

40 ДНЕЙ В ТУЛЯЙ-ПОЛЕ

ВОСПОМИНАНИЯ
МАТУШКИ ГАЛИНЫ
- ЖЕНЫ БАТЬКИ
МАХНО

63.3(2)612
К89

Владимир - Москва
1990

ЗИГЗАГИ СУДЬБЫ

Загадочная фигура Нестора Махно знакома нашим современникам лишь по карикатурным изображениям в фильмах застойных «достойных» лет. Низкорослый человек с развевающейся гривой, сопровождаемый кровожадной и разнузданной спутницей, в бесконечных оргиях в окружении дикой орды анархистов, которые воспринимались однозначно как бандиты и разрушители всего.

А между тем Нестор Иванович вполне мог остаться в нашей памяти легендарным народным героем, как к примеру, Василий Иванович. Стоило ему лишь трагически погибнуть вовремя, когда он, как и Чапаев, командовал дивизией в Красной Армии, а не на «противной стороне», не слишком многих усилий потребовала бы для создания соответствующей легенды и его дореволюционная биография. 19-летним юношей за участие в революционных экспроприациях он был приговорен к смертной казни, милостиво замененной с личного согласия Столыпина «вечной каторгой». Затем Бутырский «университет», из которого и вышел он на свободу после Февраля с сумятицей анархистских идей и репутацией политического. С чем и возглавил на родной Екатеринославщине Гуляй-Польский Совет крестьянских депутатов. А затем путаница войны, где брат шел на брата, а Нестор Махно воевал то с немцами, то с белыми, то с красными, то с атаманом Григорьевым, словом, сам за себя. То вел он в бой «всех против всех» целую крестьянскую армию, то с трудом уходил от погони с последней сотней, переправляясь через реку Прут в Румынию.

Вот в эти дни смут и потрясений встретил Нестор «учителку» из Киева, 23-летнюю Галину Кузьменко, которая стала его женой и прототипом кинематографических мифов о жестокой атаманше. 40 дней из жизни хлопцев и самого батки, описанные в ее дневнике с живостью и талантом, семьдесят лет оставались доступными для прочтения лишь узкому кругу «особо» доверенных лиц. Все это время записки, захваченные вместе с чемоданами Галины и подруги Левы Задова — Фени, находились на спецхранении.

Итак, перед нами записки наблюдательного очевидца роковой борьбы вооруженных граждан друг с другом.

19 февраля (по новому стилю) 1920 года.

Сегодня утром выехали из с. Гусарки. Часов в одиннадцать утра приехали в с. Конские Роздоры. Тут наши хлопцы разоружили человек 40 «красных». Из этого же села к нашему отряду присоединилось несколько хлопцев. Стояли здесь недолго, часа три, после чего переехали в Федоровку.

20-21 февраля.

Переночевали в Федоровке на старой квартире. Утром послали разведку в Гуляй-Поле. После обеда выехали из Федоровки. По дороге встретили своего посланца, который сообщил, что в Гуляй-Поле стоит человек 200-300 красноармейцев. Наши решили ночью совершить налет и разоружить красных. Вечером мы прибыли в с. Шагарово, где и остановились на несколько часов. Отсюда снова была послана разведка, которая должна была выяснить расположение как начальников, так и войска. Часов в 12 ночи выехали из Шагарова на Гуляй-Поле. По дороге нас известили про расположение вражеского войска.

Быстро мы въехали в село Гуляй-Поле и расположились на окраине, а все способные к бою хлопцы пошли сразу к центру, а потом и дальше разоружать непрошенных гостей. Красноармейцы не очень сильно протестовали и быстро сдавали оружие, начальники же защищались до последнего, пока их не убили на месте. К утру почти 3/4 6-го полка было обезоружено. Часть, которая еще оставалась вооруженной и до которой очередь дошла, наконец, к утру, сразу и начала храбро отстреливаться, однако, быстро узнав, что их товарищи уже разоружены, и сами сдали оружие.

Сильно замерзли и устали наши хлопцы, пока завершили это дело, однако наградою за этот труд и муки у каждого повстанца было сознание того, что и маленькая группа людей, слабых физически, но сильных духом, вдохновленных одной великой идеей, может делать большие дела. Таким образом, 70-75 наших хлопцев за несколько часов одолели 450-500 врагов, убили почти всех командиров, забрали много винтовок, патронов, пулеметов, двуколки, лошадей и так далее.

Завершив дело, хлопцы разошлись, кто куда. Кто пошел спать, кто домой, кто — к знакомым. Мы с Нестором (Махно — авт.) тоже поехали к центру. Кое-что купили, кое-кого навестили и вернулись на свою квартиру. Начали собираться обедать, когда внезапно вбегает в комнату Гаврюша и говорит, чтобы скорее запрягали лошадей, ибо в гору по Пологовской дороге спускается вражеская кавалерия. Быстро все собрались и выехали. В центре остались Савелий Махно (брат Нестора — авт.), Воробьев и Скоромный.

Когда выезжали из села, в центре его была страшная перестрелка. Часа через два мы были уже в Санжаровке. Тут постояли часа три и вечером переехали в Вильговку, где и заночевали.

22 февраля

Встали, позавтракали и выехали через Успеновку на Дибривку. Успеновские хлопцы обещали приехать к нам в Дибривку. В Дибривке встретились с т. Петренко, который уже начал со своими хлопцами работу, хватая комиссаров и разоружая небольшие части, которые заезжали в Большую Михайловку. Встреча была очень радостная. Петренко сразу же заявил, что едет с нами. Переночевали в Дибривке.

23 февраля

Я ночью утoreла и целый день чувствовала себя плохо. Утром, часов в 10, наши хлопцы захватили двух большевистских агентов, которых расстреляли.

После обеда выехали на Гавриловку. В Гавриловке схватили двух агентов, которые забирали скот, а также одного инженера, который приехал организовывать ревкомы и исполкомы, а также выяснить: кто воюет с Петлюрою, с Махно и с Деникиным. Тут мы переночевали (был митинг).

24 февраля

Кажется, сегодня выедем отсюда. Тут остается Феня (убито двое).

Из Гуляй-Поля приехали члены Культпросветкомиссии, которые не успели выехать одновременно вместе с нами, и рассказывают, что коммунистами убит старый Коростылев, и была перестрелка между Савкою (Махно — авт.), Тихенко и другими нашими с большевиками. Ходит слух, что Савка убит.

После обеда выехали с Гавриловки через Андреевку на Комарь. Тут был митинг. Греки ужасно хотели видеть батьку, но он отказался выйти. Они постояли возле квартиры и разошлись. Тут на квартире учительницы «цокотухи» переночевали.

24 февраля 20 года.¹⁾

Сегодня Феня оставила нас. Нестор сказал: «Вот, Феня осталась, и жалко». Мне тоже жалко, что она осталась. Но для нее это лучше. Как выяснилось, она нужна была только мне и то не всегда, остальным же с ней было трудно и они, в большинстве, относились

1) Эта запись помещена отдельно, в конце тетради.

к ней враждебно. Я в таком положении не хотела бы быть, не хочу, чтобы была в нем и она. Оставила нас и хорошо сделала. А я?!... А мысль была остаться где-нибудь вместе с нею. Была... А почему же я не осталась? Или и вправду испугалась того, что меня уже в Гавриловке видели и знают люди? Нет! Или, может, потому, что Нестор сказал сгоряча: «Если останешься, то не считай больше меня своим мужем!»? Тоже нет! Напротив, тут-то я непременно осталась бы... Разве то, что Нестор пообещал мне изменить обстоятельства? Все нет! Так что же? Что?... Так известно что: апатия, равнодушие ко всему на свете, физическое и духовное бессилие... Эх, какое занудство, какая гадость! Не хватило духу довести мысль до конца.

25 февраля

Выехали из Комаря на Большой Янисель. Тут встретили двух хлопцев. Все выжидают, пока коммунисты сильно допекут. Постояли в Большом Яниселе недолго, потому что получили весть, что туда идут коммунисты в численном большинстве. После обеда переехали в Майорское. Тут поймали трех агентов по сбору хлеба и прочего. Их расстреляли.

Сегодня проезжий гуляйполец подтвердил слухи про то, что Савка и еще какой-то хлопец, который был с ним, убиты коммунистами. В Яниселе узнали, что Лашкевич и Кожин арестованы красными.²⁾

26 февраля

Переночевали в Майорском. Стоим пока здесь. После обеда выехали через Керменчик на Святодуховку.

27 февраля.

Ночевали в Святодуховке. Часов в 10 утра выехали на Туркеневку. Остановились в школе Лутая. Принимали очень приветливо. Только пообедали, слышим: на дворе стрельба. Выскочили во двор. Выяснилось, что человек 25 кавалеристов влетели в село со стороны Успеновки и начали стрелять по нашим. Вмиг все наши поднялись на ноги и застрочили по ним из пулемета, а человек 10 кавалеристов погнались за ними. Вылетели за село на гору и быстро исчезли за вершиной. Вдруг через несколько минут на вершине показалась цепь пехоты, а среди пехоты — кавалерия. Вскоре на горизонте стало появляться все больше

2) Этот слух не подтвердился. Лашкевич, один из видных махновских командиров, вскоре присоединился к отряду Махно. Однако выяснилось, что он пропил и прогулял оставшиеся у него деньги отряда, поэтому в начале марта того же года Лашкевича расстреляли.

и больше войска, которое рассыпалось цепью и начало идти на Туркеневку. Отделилось человек 30 кавалеристов и двинулось левым флангом в обход. Наши хлопцы, увидев это, быстро вернулись. Мы стояли часа полтора и наблюдали за вражеской цепью. Она сначала шла, потом остановилась, постояла, и пехота стала собираться в кучу. Видно было, что большой охоты наступать фронтом на село не было. Много наших хлопцев стояло за то, чтобы дать бой, но много было и против. Врагов было значительно больше, да и в нашу задачу не входило давать, пока еще, бой красным, если на это нет жгучей необходимости. Мы выехали из села.

Когда они увидели, что мы покинули село, то снова цепью начали наступать. Мы вечером приехали в Шагарово, накормили лошадей и ночью выехали через Гуляй-Поле, Варваровку на Башаул. Ужасно утомили лошадей и сами устали. Дорога была очень трудная — снег намок и почти половина его уже растаяла. Ни санками, ни тачанками ехать нельзя.

28 февраля

Сегодня встали поздно, ибо вчера поздно, утомленные, легли. Вчера вернулись те хлопцы, которые оставались в Гуляй-Поле. Сегодня приехали к нам Данилов, Зеленский и еще несколько своих старых хлопцев.

Ночуем в Башауле.

29 февраля

На дворе ненастье. Вода со снегом, грязюка, туман. Ехать будет очень трудно. Пока что стоим на месте. Позавтракали и выехали на Воздвиженку. Навестила Рыбальских.

1 марта

Получили известие, что в Рождественке (5 верст) кавалерия и обоз. Ночью приезжали оттуда разведчики и побили одного дядьку за то, что тот на вопрос: «Кто в селе и сколько?» дал ответ: «Не знаю».

Позавтракав, выехали на Варваровку. Когда выезжали из села, увидели дедку с обрезом, который вышел для того, чтобы убить жену Кольчиенко, которая ехала с отрядом. Дедка этот был отцом Кольчиенко, у него живет первая жена последнего с тремя детьми. Обиженный поступком сына старенький отец вместе со своей опозоренной невесткой быстро решили, что во всем виновата «она» и что пусть лучше погибнет «она», чем погибнут четверо. Подъехали к дидку хлопцы и говорят: «Отдай, дед, обрез». «Берите, — говорит, — я и без обреза ее, падлюку, убью». Хлопцы, смеясь,

проехали, проехал другим переулком и сын с кавалерией, и «она» на тачанке, а дедка постоял, потоптался на месте, посмотрел нам вслед и поплелся назад в село.

В Варваровке узнали, что в Гуляй-Поле коммунисты. Едучи с разведкой впереди, встретила о.Стефана, который рассказал, что командир полка тот самый, который был тогда, когда мы обезоружили 6-й полк, и который тогда успел скрыться.

Постояли в Варваровке около часа и двинулись на Гуляй-Поле. Приблизившись к селу, узнали, что красные делают обыски и кое-кого арестовывают. Дальше узнали, что они быстро выезжают. Выслано было вперед два пулемета и человек 10-12 кавалеристов, которые и погнались за красными. Мы все въехали в село и разместились в своем «уголке». Скоро приехали хлопцы из погони и известили, что ранен и пленен командир Федюхин, много красноармейцев ранено, многие разбежались по полю и человек 75 гонят пленных. Батьке захотелось видеть командира, и он послал за ним, но посланец быстро вернулся и сообщил, что хлопцы не имели возможности возиться с ним, раненым, и по его просьбе пристрелили его. Пленных же, предупредив, чтобы в третий раз не попадались в Гуляй-Поле, ибо живыми не отпустят, распустили.

Из документов выяснилось, что Федюхин после обезоружения своего 6-го полка сформировал снова «карательный отряд», которому поручено было «производить обыски и реквизиции, а также производить аресты подозрительных лиц в районе махновских банд».

Постояли в Гуляй-Поле часа 2 и вечером выехали на Новоселку.

2 марта

Переночевали и целый день простояли в Новоселке. Отдохнули немного и кони, и люди. Коммунистов близко не слышно. Часов в 10 утра сегодня поднялись было все на ноги из-за того, что внезапно поднялась стрельба. Как потом выяснилось, это наши неосторожно попробовали пулемет, так что пули ложились у нас во дворе.

Вчера с гуляй-польского лазарета вышло хлопцев 8 и поехали с нами. Сестры милосердия тоже покинули лазарет, где остались только красные, и тоже стали просить, чтобы мы их взяли с собой. Хлопцы взяли их. Ночью сегодня хлопцы взяли миллиона два денег, и сегодня всем выдано по 1000 рублей.

Ночуем здесь.

3 марта

Позавтракав, выехали на Конские Роздоры. Проезжая через Федоровку, узнали, что сегодня там были 6 кавалеристов, которые

попросили приготовить 50 пудов ячменя и несколько печеных карабаев, а также сказали, чтобы сегодня федоровцы ждали Махно.

Прибывши в Роздоры, узнали, что тут красные отомстили невинным роздорцам за то, что нами было убито тут пять коммунистов, — они расстреляли председателя, старосту, писаря и трех партизанов. В волость была брошена бомба.

Хозяйку, у которой мы останавливались, избил красные, и все имущество в доме пограблено. Ночевать остановились тут.

На дворе ненастье. Сейчас идет дождь. Дорога теперь очень трудная.

4 марта

Печальный сегодня день. Встали под выстрелы из винтовок. Быстро собрались и приготовились. Ночью с Полиг приехали красные и стали на рассвете наступать. Еще ночью враги захватили двух наших кавалеристов и арестовали человек 20 местных повстанцев. Товарищ Середа с пулеметом, как и всегда, первый вклинился своею тачанкой во вражеский стан. От него не отставал и второй пулеметчик, т. Литвиненко. Кавалерия наша еще не успела подскочить, как силы красных из пулеметов и винтовок застрочили по вырвавшимся вперед махновцам. На этот раз нашим героям не повезло: вражеская пуля попадает Литвиненко прямо в лоб, вторая пуля тяжело ранит Середу, третья убивает коня в тачанке, четвертая пронизывает плечо кучера. Тут только прискакала наша кавалерия, подоспела и пехота и вынудила врага показать пятки. Наши взяли три пулемета, человек 20 убили эстонцев и поляков, многих ранили и отбили арестованных махновцев. Далеко за врагами не гнались. Скоро собрались вместе и простояли еще часа два и выехали в Федоровку. С нами выехали человек 25 роздорцев.

Смерть т. Литвиненко произвела на многих тяжелое впечатление — давно уже наш отряд не имел такой утраты, как сегодня.

5 марта

Все тихо и спокойно сегодня. На улице светит солнышко и вместе с ветерком здорово сушит. Снег почти уже растаял — остался только по балкам и по лощинам, а на пригорках уже просохло, и выбивается из земли молоденькая травка. Озимые в степи начинают зеленеть. Вчера видела на поле мышь, которая уже вылезла из земли, почував весну.

Провели раненого Середу. Он поправится, только ему нужен покой. Его и кучера мы оставляем тут. Навестил нас Иваненко, известил про то, что Капельгородский арестован.

Приехал Голик с Гуляй-Поля, напечатал обращения к крестьянам и рабочим. В Гуляй-Поле и окрестностях сейчас никого нет.

6 марта

Позавтракав, выехали с Федоровки на Новоселку. Остановились на старой квартире. Хозяин тут очень симпатичный человек. Сегодня он нагнал самогон и угостил нас. Нестор выпил и вел себя относительно меня очень нахально.

7 марта

Часов в 8 утра выехали на Шагарово, оттуда на Гуляй-Поле. Дорога невозможная. Шестеро лошадей не в силах тянуть одну тачанку. Еще с Новоселки батька начал пить. В Варваровке совсем напился как он, так и его помощник Каретник. Еще в Шагарово батька начал уже дурить — бессовестно ругался на всю улицу, верещал как ненормальный, ругался и в хате при малых детях и при женщинах. Наконец, сел верхом на лошадку и поехал на Гуляй-Поле. По дороге чуть не упал в грязь. Каретник же начал дурить по-своему — пришел к пулеметам и начал стрелять то с одного пулемета, то с другого. Засвистели пули низко над хатами. Поднялась паника. Тогда быстро выяснилось, что такую стрельбу поднял сдуру пьяный Каретник.

Приехали в Гуляй-Поле. Тут под пьяную команду батьки начали вытворять нечто невозможное: кавалеристы начали бить нагайками и прикладами всех бывших партизан, каких только встречали на улице.

Сегодня воскресенье, день ясный, теплый, людей на улице много. Все вышли, смотрят на приехавших, а приехавшие, как бешеная дикая орда, несутся на конях, налетают на невинных людей, ни с того ни с сего начинают бить, приговаривая: «Это тебе за то, что не берешь винтовку!». Двум хлопцам разбили головы, загнали по плечи одного хлопца в речку, в которой еще плавает лед. Люди испугались, разбежались. Стали ворчать тихонько гуляйпольцы по углам, а открыто боятся высказать свое недовольство против махновцев — страх напал на всех... Да и правда, как забитым, запуганным, замученным, обобраным, обессиленным всякими властями крестьянам протестовать против насилия пьяных махновцев — их сейчас сила, их и воля.

12 марта

Эти дни стояли в Гуляй-Поле. Сюда приехал Тарановский. Приехали сюда еще человек 35 хлопцев с лошадьми, только седла есть не у всех.

10 марта вечером по Пологовской дороге показалась кавалерия. Выехали им навстречу и обстреляли. Со стороны кавалеристов не

было ни одного выстрела. Приехавших взяли в плен. Выяснилось, что это 23 человека красных, присланных из Таганрога мобилизовать лошадей. Их обезоружили и отпустили. 11 марта вечером был спектакль, посвященный памяти Т.Г. Шевченко. Наших там было много. Все прошло хорошо.

Все эти дни много пили. Скандалили мало. Выпивши, батька становился очень разговорчивым и заинтересованным «чистотой и святостью повстанческого движения». Сегодня переехали в Успенку.

13 марта

Стоим в Успенке. Батька и сегодня выпил. Разговаривает очень много. Бродит пьяный по улице с гармошкой и танцует. Очень привлекательная картина. После каждого слова матерится. Наговорившись и натапцывавшись, заснул.

Один усеновский дядька пожаловался в штаб на бывшего повстанца, который побил девушку-племянницу дядьки и его сына. Дело в том, что эта девушка когда-то встречалась с повстанцем. Во время его отсутствия полюбила другого хлопца, с которым встречается и сейчас. Вернувшийся домой повстанец снова начал приставать к этой девушке, а когда она ему отказала, побил ее, а потом и ее двоюродного брата. Через некоторое время повстанец поздно вечером подошел к хате побитого хлопца и стал звать его во двор, чтобы «помириться». Из хаты никто не вышел, и попросили прийти мириться днем. Повстанец настаивал на своем и пообещал бросить в окно бомбу. Тогда дядька — отец хлопца — выстрелил в повстанца и ранил его. Теперь повстанец обещает, что после выздоровления он убьет дядьку.

Наши выслушали все это и отослали всех по домам, предупредив повстанца, что если он будет мстить, то с ним в следующий приезд расправятся.

В частной беседе про это дело Нестор оправдывал повстанца.

14 марта

Сегодня переехали в Большую Михайловку. Убили тут одного коммуниста.

Переехали в Гавриловку. Выезжая 15 марта из Б.Михайловки, убили в лесу михайловского повстанца за грабежи и насилия, которые он чинил в своем селе. В Гавриловке взяли с собой Феню и поехали на Андреевку, где и заночевали.

16 марта

Утром выехали на Комарь. Только выехали за село, как получили известие, что в Мариентале есть отряд кадетов, который убил одного нашего хлопца и обстрелял остальных, которые приехали туда обменять лошадей. Наши решили сразу же пойти на этот хутор и побить кадетов. Конные сразу же отделились и пошли в обход. По правому флангу ехала и я с хлопцами. Подъезжая к хутору, увидели, как с хутора выскочили несколько конных и пеших, которые бросились бежать. Быстро вошли в хутор и начали обстреливать хаты. Убегавших догоняли и убивали на месте. Кто-то с краю поджег солому. В несколько хат бросили бомбы. Быстро со всем было покончено. Выяснилось, что тут отряда никакого не было, а была местная вооруженная организация, которая и убила нашего казака. За это необдуманное убийство дорого заплатил Мариенталь — почти все мужчины, за исключением очень старых и очень молодых, были убиты, говорят, что есть погибшие и женщины. Примерно час наши хлопцы ощущали себя в хуторе хозяевами, забрали много лошадей и прочего. Выезжая с хутора, в степи в бурьяне нашли двоих, которые спрятались тут с винтовками. Их порубали. Приехали в Комарь. Тут греки выдали нам одного немца, который, скрываясь, пересек речку и спрятался у них. Его тоже добились.

На улице было солнечно, тепло и сухо. Пообедав, наши все пошли гулять к реке. На берегу лежал убитый. Возле него собралось много людей. Когда мы появились на берегу, внимание людей было обращено на нас. Мы подошли к лодкам. Тут люди часто ездили на другой берег и не давали воде замерзнуть, в то время как с обоих боков неширокой водяной дорожки был лед. Мы сели на лодку и переехали на тот берег. Постояв там немного, вернулись назад. Под берегом подурили немного, обрызгали кое-кого водой и пошли домой.

Тут мы узнали, что верст за 20 от нас в с. Андреевке Бахмутской волости есть карательный отряд большевистский. Назавтра решили померяться с ним силами.

17 марта

Утром выехали на Богатырь и дальше на Андреевку. В Андреевке действительно была 3-я рота 22-го карательного полка. Когда, выехав из Богатыря, переезжали речку Волчью, по той стороне, возле мельниц, на холме заметили двоих кавалеристов, которые, заметив нас, очень быстро подались на Андреевку.

Наша кавалерия с батькой во главе рванулась вперед. Когда мы подъехали к селу, то сразу поднялась стрельба. Застрочил

и пулемет. Кавалерия бросилась в село, пехота осталась далеко сзади. Вскоре нам сказали, что наши захватили в плен человек 40. Мы въехали в село и на дороге увидели кучку людей, которые сидели, а некоторые и стояли, и раздевались. Вокруг них крутились, на лошадях и пешие, наши хлопцы.

Это были пленные. Их раздевали до расстрела. Когда они разделлись, им приказали завязывать друг другу руки. Все они были великороссы, молодые здоровые парни. Отъехав немного, мы остановились. По дороге под забором лежал труп. Немного дальше во дворе больницы лежал еще один труп. Тут на углу стоял селянин с бричкой, запряженной четверкою, на которой был взятый у красных пулемет. Тут же стояла еще одна подвода с винтовками. Вокруг крутились наши хлопцы и собралось много селян. Селяне смотрели, как сначала пленных раздевали, а потом стали выводить по одному и расстреливать. Расстрелявши таким образом нескольких, остальных выставили в ряд и резанули в них из пулемета. Один бросился бежать. Его догнали и зарубили.

Селяне стояли и смотрели. Смотрели и радовались. Они рассказывали, как эти дни этот отряд хозяйничал в их селе. Пьяные разъезжают по селам, требуют, чтобы им готовили лучшие блюда, бьют нагайками селян, бьют и говорить не дают. Постояв тут немного, поехали в центр. Тут было много селян. Им rozdali листовки и провели митинг.

Остановились по дворам на один-два часа покормить очень уставших лошадей. Только мы немного перекусили, смотрим — ведут хлопцы нам во двор маленького серенького коня-стригунка. Это возвратились хлопцы, которые погнались было за убежавшими, перебили их, убили и командира, а его конька привели нам показать.

Постояв немного и покормив лошадей, двинулись на Богатырь ночевать. Под Богатырем при переезде через речку Волчью у нас, лично с нами, с нашей тачанкой, случилась беда.

Насыпь под самым мостком через речку очень узкая. Четвериком проехать нельзя. Когда ехали на Андреевку, то тут чуть-чуть не перевернулись в речку. У нас четверик, и, естественно, когда мы переезжаем небольшие мосты, наши пристяжные кони очень пугливы и, во-первых, сильно скачут, а во-вторых, очень нагибаются и нахрапют, стискивают коренных. Зная это, мы решили на этом переезде выпрячь левого коня, как наиболее пугливого. Выпрягли. Едем. Сзади кто-то кричит в шутку: «Ой и выкупаются вы сейчас». На тачанке нас четверо: я, Нестор, Феня и Сашко-кучер. Только съехали на самое узкое место, правый пристяжной как надавит на коренного правого, а тот под натиском на кобылу — так лошадей как и не было на мостку. Только пристяжной, тот, что толкнул всех, стоит на мостку с разорванным поводом и изо всех сил натягивает постромки. Вместе с лошадьми полетел в воду

и кучер, и перевернулась тачанка. Сзади тачанки была привязана Галка — верховая кобыла, она уперлась и натянула поводья, и тут же подбежал Ваня Лепетченко и ухватил заднее колесо тачанки. Возле воды под мостком был еще забитый столбик, за который перевернувшаяся тачанка зацепилась, благодаря чему, в совокупности со всеми предыдущими причинами, тачанка не накрыла нас собою в воде, перевернувшись вверх дном, а только легла набок, давши нам всем возможность выкарабкаться из нее, не попадая в воду. Чемоданчики же, один с бельем, другой с деньгами, шубы, одеяло, Фенин большой платок и другое барахло поплыло по воде.

Вскочив с тачанки, я сразу же выбежала на мостик и стала смотреть под него. Саша совсем уже мокрый ухватился за столб под мостиком и поднимает руки хлопцам, чтобы его вытянули, спасли. Подбежали хлопцы и вытянули его. Лошади же запутались в воде в вожжи и постромки и не могут никак освободиться. Конь упал на спину вверх ногами, а кобыла стала ему поперек на живот, и он никак не может выбиться из-под нее, и она не может сойти с него: вода подбила их под самый мостик к столбам, сломанное дышло, постромки и вожжи спутали их. Как ни крутились вокруг хлопцы, как ни старались перерубить ремни и веревки, конь под кобылою весь с головою в воде враз скончался. Стали спасать хоть кобылу. Долго возлились вокруг нее, стянули ее с коня, подтянули под берег, зовем ее: «Воля! Воля!» — а она лежит как-то боком, голову поднимает над водою, болтает временами ногами, стонет жалобно-жалобно, как человек, и поводит назад перепуганными глазами, которые налились кровью и словно умоляют о помощи. Полежала немного тихо, перестала барахтаться и замолчала. Снова начали ее тянуть и стонать. Она застонала, встрепенулась, стала подниматься и снова упала. Через полминуты снова забила ногами, сделала сильное движение, встала на ноги и, глубоко погружаясь в тину, быстро пошла к противоположному берегу, возле которого был лед. Мы стали ее звать сюда. Она сделала в речке полукруг и быстро вышла на этот берег. Ее сразу взяли и стали гонять, чтобы не остыла. Сашка сразу же как вытащили, отвезли в хату переодеться и греться. Чемоданчики, шубы и одеяла вытянули. Только Фенин большой платок и одеяло намокли и пошли ко дну.

Мы с Феней сели на другую подводу, а Нестор — на Галочку, и поехали в центр искать квартиру.

18 марта

Провели тут митинг. Арестовали по доносу трех человек, но греки стали их горячо отстаивать, к мы их освободили. Оставили тут т. Огаркина для организации и выехали на Большой Янисель. Тут встретили т. Лашкевича. Встреча была очень радостная. Все с ним целовались, обнимались, расспрашивали. Рассказывали ему,

как нам жилось, расспрашивали его, как он бежал от коммунистов. Первая радость от встречи прошла. Начали говорить о деле. Дело в том, что, оставляя рождественскими праздниками с Гуляй-Поле, т. Лашкевич вывез с собой $4\frac{1}{2}$ миллиона общих денег. Его про них спросили. Он замялся, говорит, что я вам расскажу, где дел их. А тем временем к штабу стали подходить бывшие партизаны-греки и с возмущением рассказывать, какую разгульную жизнь вел Лашкевич: швырял деньги, как сам хотел, устраивал балы, вечеринки, делал богатые подарки любовницам, платил им по 200000 за «визит» и так далее. Греки говорят, что деньги, которые добыты жизнью, здоровьем и кровью многих из повстанцев, так легко, так бессовестно расходуются их командирами, и что теперь с такими командирами они не пойдут воевать, а пойдут сначала перебыть всех тех, кто за спиной честных повстанцев нажился и теперь роскошествует, а потом уже пойдут на фронт.

Была создана комиссия, которая бы расследовала это дело и потребовала у Лашкевича отчет. Расследование и допрос т. Лашкевича показали, что из $4\frac{1}{2}$ миллионов у него осталось только сто пять тысяч рублей.

Сделав отчет, т. Лашкевич пригласил нас всех к себе поесть новое для нас греческое блюдо чир-чири, или чебуреки. Я и Феня пошли. Нестор рано лег спать и отказался. Наши хлопцы тоже отказались. Мы пришли и застали там Старика и Буданова. Познакомились с хозяином, очень симпатичным греком. Выпили по чарке, попробовали чир-чири, которые нам очень понравились, и разошлись. Лашкевич нас провожал до дома и нес тарелку с чебуреками для батьки. У нас дома еще поиграли в «дурачка» и разошлись.

19 марта

Сегодня хлопцы пошли к Лашкевичу за оставшимися деньгами и тут же хотели его арестовать. Однако, он показался им таким жалким, что они решили его пока не трогать.

Нестор, Буданов, Петренко и остальные поехали в с. Времьевку, которая тут поблизости, провести митинг. На улице было ясно, тепло. Мы все вышли на улицу. Вскоре пришел и Лашкевич. Он подошел сразу к хлопцам. Те холодно с ним поздоровались и неохотно отвечали на его вопросы. Он перешел на эту сторону улицы к нам. Поздоровался. Спросил, где хлопцы. Пообещал мне достать документ и помочь устроиться с квартирой тут же, в Яниселе. Я поддакивала и давала ему поручения, зная, что этот человек будет через полчаса, час расстрелян. Он вежливо извинился и отошел от нас. Собрался идти домой. Его позвал Василевский, взял под руку, повел. Его арестовали и приставили патруль. Скоро приехал батька и прочие. В центре собрались люди. Лашкевичу связали руки и вывели на площадь расстреливать. Гаврик, сказавши ему, за что, прицелился и взвел курок. Осечка.

Второй раз — тоже осечка. Лашкевич бросился удирать. Стоявшие тут же повстанцы дали по нему залп, второй. Он бежит. Тогда погнался за ним Лепетченко и пулями из нагана сбил его (с ног). Когда он упал, а т. Лепетченко подошел, чтобы пустить ему последнюю пулю в голову, он повел глазами и сказал: «Зато пожил...»

Через несколько минут привели еще одного повстанца, который быстро разбогател, и тут же на улице расстреляли. После этого был проведен митинг, где пояснили и про казнь этих двоих. Селяне остались довольными. Кое-кто из селян высказался: «Видимо, что тут закон есть, вот чужого все-таки не трогай...»

Вечером я попрощалась с хлопцами и переехала в с. Времьевку, где и думаю остаться на некоторое время.

20 марта

Сегодня на новой квартире. Начинаем с Феней оседлую жизнь. Чистимся, моемся, латаемся целый день. Перед обедом вышли погулять. Пошли на речку. Ужасно потянуло к своим. Мелькнула мысль, что они еще в Яниселе. Как-то грустно и тяжело стало на душе...

Вернулись домой. Вдруг смотрим — из-под прошлогодних листьев пробился и расцвел голубенький цветочек, а там второй, третий. Мы начали собирать эти первые весенние цветочки (у нас их называют брандушками) — предвестники скорого тепла и солнышка. Сразу сделалось как-то легче на душе и веселее на сердце.

Нарвав цветов, вернулись домой. От селян узнали, что на Юзови (Юзовке — сост.) Будьонов (так в тексте — сост.) с войсками, а наши сегодня утром выехали на Керменчик. Сегодняшний день показался очень длинным.

21 марта

Встали поздно. На улице ненастье: ветер и дождь целый день. Немного почитали, немного пописали, потом проговорили час с хозяевами. Выходит, что селяне знают, что я тут осталась.

22 марта

Ненастье. На душе пусто и грустно. Настали для меня тихие, серые, однообразные дни. Полное спокойствие души и тела, как и хотелось.

23 марта

Хорошая погода. Солнышко светит и уже немножко греет. Было бы совсем тепло, если бы не дул страшный ветер. Перед обедом пошли побегали по берегу, погуляли. Нарвали снова цветочков.

Хозяин, у которого мы живем, очень тревожился — сегодня он услышал, что в Павловке стоят коммунисты, которые забирают

у селян хлеб и прочее. Янисельцы и времьевцы очень встревожены и напуганы этим известием. Не сегодня-завтра нужно и сюда ждать страшных гостей, которые придут грабить добытое тяжельным трудом крестьянское добро. Павловцы послали двух мужичков в погоню за батькой Махно, чтобы пришел со своим отрядом и помог селянам прогнать русских грабителей и насильников.

Учитывая, что Янисель, Времьевка и Нескучное знают про то, что я тут осталась, и что коммунисты быстро могут быть здесь, хозяин советует нам выехать отсюда. На завтра на утро мы это дело и отложили.

24 марта

Сегодня утром выехали одной подводой с села, за селом пересели на другую подводу в направлении Керменчика, дорогою же решили поехать в Успеновку, а потом на хутор Широкий к учительнице Лизе. Так и сделали. Лошадок в подводе было запряжено две, и те худенькие и маленькие, как жеребята. Еле они нас тянули. А дорога трудная, да и не близкая — верст 40 будет. Заехал наш ездовой к одному хуторянину, своему знакомому, подпряг третью лошадку, и поехали потихоньку. Было облачно, и словно бы собирався дождь. Дул холодненький ветерок. Ехали часов шесть с лишним. Закутанным в платки, одетым в белые крестьянские кожанки нам было дорогой тепло и весело. Весело нам было и от того, что мы лишились своего боязливого хозяина, который боялся за нас и особенно ночью себе и нам нагонял такой паники, что сон совсем бежал с глаз, и ночь оборачивалась в бескрайнюю пытку, пытку страха прихода коммунистов. Весело было и от того, что мы так хорошо скрыли следы направления, куда поехали, весело было и от того, что наши кони так плохо бегут, и от того, что постромок у пристяжной лошадки разорвался, и от того, что в своих кожанках мы так были похожи на крестьянских тетушек, что нас, наверное, и свои не узнали бы, — словом, от всего нам было весело, и мы почти всю дорогу смеялись. Да и возчик наш был веселый парень и, как только мы замолкали, обязательно что-нибудь выкинет и снова рассмешит. Под самым хутором Широким встретили Лизу, которая ехала в Успеновку. Она перешла на нашу подводу, и мы приехали в школу. На квартире у нее застали кавардак ужасный и холод. Сразу же мы взялись все трое наводить порядок. Эта подметает, та моет, эта топит... Хорошо, весело стало мне, и я начала скакать, как ребенок. Вечером Лиза выпросила у крестьянок подушки, матрас, мы поужинали, постелились на полу и легли. Говорили часов до 12 ночи. Кое-кто задремал, когда Феня встает и решительно заявляет, что в хате угар и что у нее сильно болит голова. Я тоже поднялась и почувствовала, что и с моей головой не все в порядке. Мы все встали, открыли форточку и дверь, а сами

вышли во двор. Погуляли на дворе около часу и, проветрив комнату, снова улеглись.

25 марта

Встали часов в десять, все здоровые. Только в нашей комнате было очень холодно. Лиза поехала в Успеновку, а мы с Феней начали хозяйничать. После обеда приехала Лиза. В Успеновке говорят, что в Гуляй-Поле махновцы и что в Жеребке коммунисты выгнали селян копать окопы. Целый вечер ждали к себе Павлушу Летенченко, который обещал вечером прийти, но его не было.

26 марта

Вчера долго с вечера разговаривали и проснулись сегодня часов в 8. На улице тучи, накрапывает дождик, вставать не хочется. Провалились в постели часов до 10. После обеда начался дождь. Мы с Феней прибрали в хате, а Лиза все бегает по хутору и выпрашивает у селян то хлеба, то молока, то ведерко для воды, то солому... Вечером читали, говорили...

27 марта

Сегодня тоже встали поздно. Распределили работу по дому между собой. Лиза у нас, главным образом, по продовольственным делам. Феня прибирает в комнатах, а я топлю печь. Позавтракав, мы с Лизой пошли гулять. Вышли на улицу и увидели на холме экономию (усадебу — сост.). Пришли, все там облазили, наломали в садике зеленых веточек, нашли в одном хлеве пару голубиных гнездышек, побывали на всех чердаках, обследовали все комнаты, погреба, садики — словом, все, что там было. Домой пришли уставшие, голодные. Застали Феню с тремя молодухами, поговорили про то, про се. Мы с ними немножко посмеялись, одной я погадала на картах, предупредив, что буду врать. Так-сяк пообедали. После обеда у меня сильно разболелась голова. Пролежала до вечера. Вечером возле школы собрались девчата и парни. Сильно жалела, что не могла к ним выйти.

28 марта

Сегодня воскресенье. Мы были еще в постели, как уже какой-то мальчик принес нам завтракать. Мы встали. Характерно, все хуторяне едят постно, нам же, зная, что мы едим скоромно, хакая-то

хозяйка напекла скоромных на яйцах блинов, наварила яиц и прислала. Сели мы завтракать, когда одна молодуха приносит нам свеженьких бубликов. Через полчаса какая-то девушка принесла мисочку семечек.

Позавтракав и прибравшись везде, вышли мы к воротам. К нам подошли парни и мужчины. Поговорили с ними про то, про это. Один мужчина ехал на Успеновку, с ним села и Лиза. Погуляли мы с мужчинами часа два, замерзли и пошли в хату.

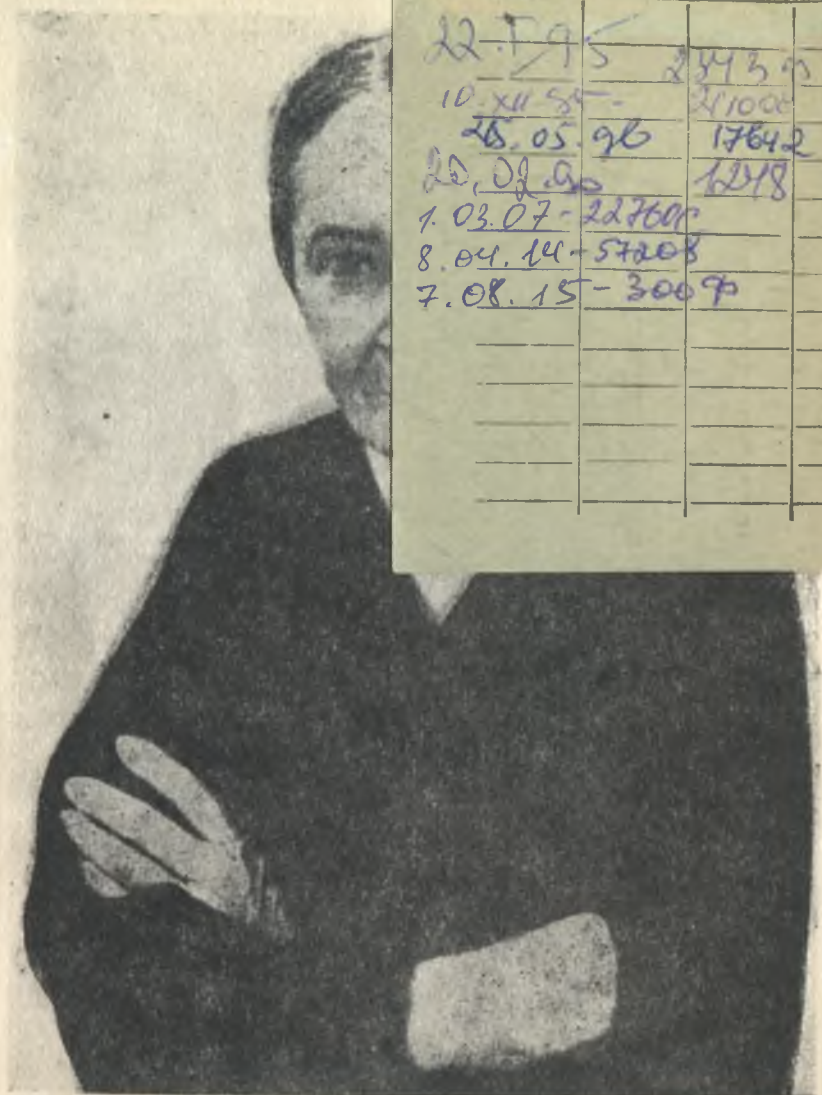
На этой строке обрываются записи, сделанные рукой юной спутницы Нестора Махно. Лихой красноармейский отряд остановил в степи телегу, в которой догоняли отступившего атамана Галина и ее подружка Феня. Красноармейцы отпустили девушек, но оставили себе в виде трофеев их пожитки. Когда делили захваченное, на дне одного из чемоданов нашли дневник, авторство которого установить было нетрудно. Но беглянки были уже далеко. Дневник попал в архивы ЧК.

Галина Андреевна разделила с Махно все тяготы жизни в эмиграции в Румынии и во Франции, где у них родилась дочь. После смерти «батьки» от застарелого туберкулеза она оказалась в Германии, где и попала вновь в руки своих соотечественников. На этот раз не удалось отделаться легким испугом. Скорбный путь привел ее в сталинские лагеря по печально знаменитой 58-й. Там соседками жены Махно по нарам были жены Якира и генерала Власова.

Научному сотруднику Центрального госархива Октябрьской революции кандидату исторических наук И. А. Альтману, который перевел записи с украинского языка и подготовил их к первой публикации, удалось проследить и дальнейшую судьбу автора дневника. После ссылки она жила в Казахстане, где и умерла в неизвестности в середине 70-х годов.

Поверіть книгу не пізніше
значеного терміну

МЛП. Збж. 43 - 4000 тмс.

16. XI. 94	5593		
22. I. 95	2543		
10. XII. 95	21000		
25. 05. 96	17642		
20. 09. 96	1218		
1. 03. 07	22760		
8. 04. 14	57208		
7. 08. 15	3007		

УРА! УРА! УРА!
ПОЙДЕМ МЫ НА ВРАГА,
ЗА МАТУШКУ ГАЛИНУ,
ЗА БАТЬКУ, ЗА МАХНА.
Из махновской песни

Закарпатська обласна
бібліотека
ім. О. М. Горького